

Читайте романы мастеров закрученного сюжета Анны и Сергея Литвиновых:

Осколки великой мечты
Быстрая и шустрая
Даже ведьмы умеют плакать
Кот недовинченный
Красивые, дерзкие, злые
Боулинг-79
Пальмы, солнце, алый снег
Наш маленький Грааль
Внебрачная дочь продюсера
Ревность волхвов
Ideal жертвы
Золотая дева
Я тебя никогда не забуду
У судьбы другое имя
Та самая Татьяна
Мадонна без младенца
Семейное проклятие
Изгнание в рай
Над пропастью жизнь ярче
Главная партия для третьей скрипки
Мертвые не лгут
Девушка не нашего круга

Сериал «Авантюристка»

Отпуск на тот свет
Все девушки любят бриллианты
Проигравший получает все
Второй раз не воскреснешь
Предмет вождения №1
Оскар за убийную роль
Дата собственной смерти
Парфюмер звонит первым
SPA-чистилище
Вояж с морским дьяволом
Биография smerti
Девушка без Бонда
Три последних дня
Незримая связь
Джюльетта стреляет первой
Жемчужные тени

Сериал «Спецкор отдела расследований»

Эксклюзивный грех
Рецепт идеальной мечты
Коллекция страхов прет-а-порте
Ледяное сердце не болит
Одноклассники smerti

В Питер вернутся не все
Через время, через океан
Небесный остров
Несвятое семейство
Ныряльщица за жемчугом
Десять стрел для одной
Свадьбы не будет

Сериал «Агент секретной службы»

Звезды падают вверх
Пока ангелы спят
Прогулки по краю пропасти
Трансфер на небо
В свободном падении
Она читала по губам
Вспомнить будущее
Многие знания — многие печали
Вне времени, вне игры
Аватар судьбы
Успеть изменить до рассвета

Сериал «Римма и Паша Синичкин, частные детективы»

Заговор небес
Дамы убивают кавалеров
Бойся своих желаний
Слишком много любовников
Почтовый голубь мертв
Грехи отцов отпустят дети
Брат ответит
Любить, бояться, убивать
Улыбка смерти на устах

Сериал «Сага о любви и смерти»

Черно-белый танец
Предпоследний герой
Печальный демон Голливуда

Сериал «Высокие страсти»

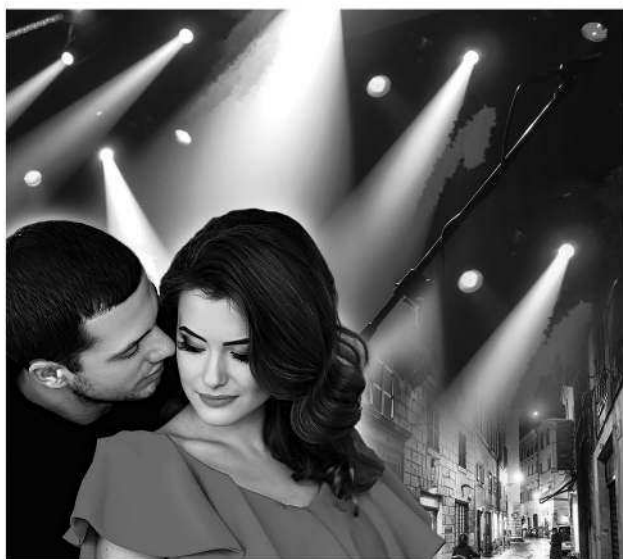
Исповедь черного человека
Сердце бога
Бойтесь данайцев, дары приносящих
Здесь вам не Сакраменто
Тебя убьют первым

Сборники детективных рассказов:

Любовь считает до трех
Все мужчины любят это
Миллион на три не делится
Плюс-минус вечность
Половина земного пути
Золотой песок времени
Горький инжир
Карнавал насмерть

**УЛЫБКА СМЕРТИ
НА УСТАХ**

р о м а н

**АННА И СЕРГЕЙ
ЛИТВИНОВЫ**

МОСКВА
2021

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Л64

ПРИСОЕДИНЯЙТЕСЬ К НАМ!

МЫ В СОЦСЕТЯХ:

www.eksmo.ru

 vmirefiction

 read_action

Дизайн обложки *С. Курбатова*

Редактор серии *А. Антонова*

Литвинова, Анна Витальевна.
Л64 Улыбка смерти на устах / Анна и Сергей Литвиновы. — Москва : Эксмо, 2021. — 352 с.

ISBN 978-5-04-115904-7

Ко мне, частному детективу Павлу Синичкину, пришла клиентка, которая попросила расследовать гибель своего отца — руководителя, работавшего в крупной госкорпорации. Полиция считает, что произошло самоубийство, в возбуждении уголовного дела отказано — однако девушка уверена, что не все так просто, и подозревает собственную сестру и ее мужа. Мы с моей помощницей Риммой взялись за дело, не подозревая, что окажемся вовлечены в целую цепь преступлений. Притом одним из них окажется убийство игрока прямо на съемках популярного телешоу «Три шага до миллиона»...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Литвинова А.В., Литвинов С.В., 2020
© Оформление.

ISBN 978-5-04-115904-7

ООО «Издательство «Эксмо», 2021

Жертва № 5

Лето 2019 года

Первое в году погружение в море, конечно, настоящий кайф.

Да еще в середине такого суматошного лета. И перелет с каждым годом все тяжелей дается: рано встаешь, маешься в железной коробке такси по пути в аэропорт, потом проходишь все эти утомительные формальности: «Снимите ремень!.. Поднимите руки!.. Включите планшет!..» Потом, когда препоны позади, наступает короткое облегчение в аэропорту, можно слегка расслабиться, взять пивка, пусть за сумасшедшие деньги — но я не отказал себе в удовольствии, тем более на что мне теперь их беречь, эти бабки?

Надо прихватить в дьюти-фри пару-тройку мерзавчиков-вискарей, чтобы скрасить себе полет. Сидишь на своем месте, стиснутый ремнем безопасности и попутчиками, посматриваешь в иллюминатор, незаметно для стюардесс выливаешь содержимое мини-бутылочек в чай, кофе или колу, прихлебываешь, глубокомысленно листаешь журнал или смотришь кино на планшете.

Потом — посадка, блеснувшее вдалеке море, синее-синее. Радость: «О море! Мое любимое! Скоро я обниму тебя!» Быстро набегающая взлетно-посадочная полоса, удар шасси о бетон, уютный речитатив пилота. И — те-

плый влажный воздух, который охватывает, едва выходишь на трап.

И снова очереди на паспортном контроле. Наши люди еще по привычке собачатся, кто за кем занимал. Но пограницы уже намного добродушней. Проверяют тебя расслабленной, чем наши в Шереметьеве, с улыбочками.

Затем снова — влажная духота улицы. Очереденка на такси подходит быстро. Шофер-араб помогает погрузить чемодан. Лютая кондиционированная прохлада салона, и, как завершающий аккорд путешествия: последняя бутылочка выпивается в салоне такси прямо из горла, неразбавленной. Полчаса езды мимо пальм и отелей, и вот уже привычная гостиница, знакомый персонал.

— Добрый день, мсье. Мы рады вас снова видеть.

— Добрый, добрый. И я очень рад, что вернулся. Забыл, как тебя зовут?

— Шарль, мсье. Форму вам заполнять не нужно, в компьютере все ваши данные сохранились. Приветственный бокал игристого, мсье?

— Не откажусь.

Когда я с удовольствием глотаю замороженный шампусик, происходит небольшой инцидент. В холл вваливается целая толпа русских. Кажется, они летели с мной одним рейсом — возможно, даже бизнес-классом. И сюда прибыли вместе, на микроавтобусе «Мерседес». Однако, несмотря на «бизнес» и «мерс», выглядят они как типичные наши за границей: чрезмерно шумные, слишком толстые, чересчур вычурно одетые. Много золота, а на дамах — брюликов. Группа устремляется к стойке, сметая все на своем пути. Распаренная красная тетка в майке от «Диора» с ненавистью косится на запотелый бокал, что я держу в руках, и врзается своим чемоданом мне прямо в ногу. Черт! И пребольно! Вот гадина!

— I'm very sorry, — злобно цедит она на бегу и первой из группы подает портье свой паспорт.

Но даже этот инцидент не портит мне настроения. Я отставляю пустой бокал, быстро поднимаюсь наверх. Багаж уже доставили, коридорный с поклоном принимает мою двухевровую монету. Нет, я не буду распаковывать вещи, просто достану плавки, не зря же положил их в Москве в последнюю очередь. Теперь переодеться и бегом — на море. Вот оно, прямо здесь, под окном, зовет и манит, светится и играет. Я оглядел себя в большое, до пола, зеркало. Несмотря на блестящие седина и залысины, я сухопар и довольно подтянут. Сказываются регулярные, три раза в неделю, тренировки. Да, я запросто могу рассчитывать на романчик здесь, на море. *Если, конечно, успею.*

Ах, как все хорошо — вот только нога, в которую заехала русская тетка, слегка саднит. И ссадина вон на бедре покраснелась. Ну ничего. Как мне мамочка в детстве говорила? «Море все лечит». Вон оно, за балконной дверью, сияет и манит. По краю горизонта водный мотоцикл тянет резиновую колбасу, «акулу», усаженную сверху отдыхающими.

Я хватаю пляжное полотенце, набрасываю себе на плечи и спускаюсь вниз. Народ во множестве плескается в бассейне, загорает и выпивает на шезлонгах. Не одна и не две пары глаз, расслабленных спиртным, оценивают «на новенького» мою фигуру. Но, нет, я здесь, у бассейна, не останусь — никогда не мог понять, отчего эти странные люди, в основном почему-то немцы, купаются в забетонированных лужах, когда рядом огромное, сияющее, неограниченное море. Все равно что настоящей живой женщине предпочитать резиновую куклу.

Короткая аллея — и вот он, пляж. Теперь я оттягиваю сладостный момент. Перед первым погружением — и это тоже ритуал! — я выпиваю еще один коктейль в баре на пляже.

Жаль, что привычного бармена нет. Есть какой-то

новенький. Он смешивает мне кир-рояль, и я, счастливый отпускник, опоражниваю его прямо у стойки.

Народу в баре полно, хоть до вечера еще далеко. На высоком табурете рядом со мной оказывается девушка, улыбается призывно. Я осклабливаюсь в ответ, бросаю: «Гутен таг», — почему-то кажется, что она — немка. Да, поприветствовать, но ничего больше. Сейчас не до девчонок. Главное — столь долгожданное *первое купание*.

И я, наконец, бросаю полотенце на свободный топчан и бегом, чуть не вприпрыжку, словно в детстве, кидаюсь к морю.

Влетел, вздымая буруны, прыгнул, поплыл.

Нет, ничего лучше моря нет. И я всякий раз убеждаюсь в этом. Всяческие эрзацы — речка, ванна, бассейн — не более чем жалкие заменители. Море — это да. Море — это вещь.

И первый раз в году погрузиться в него — все равно как впервые возлечь с любимой женщиной. С той самой, недостижимой — искренней, понимающей. Принимающей тебя всего — без остатка, любого, со всеми твоими недостатками, сложностями, пунктиками и тараканами.

Скажи, сколько мужчин (и женщин) было у тебя до меня, а, море? Ты наверняка уже сбилось со счета. Мы, люди, приходим и уходим, а ты с каждым все такое же: ласковое, любящее, обтекающее, обнимающее. И я тебя отнюдь не ревную к другим.

Или же, напротив, ты гневаешься и становишься серым, сварливым, свирепым. И готово растерзать и убить. И — убиваешь!

Но сейчас ты — ласковое, мирное, податливое. Какое наслаждение — нырнуть, долго плыть под водой, мощно работая руками. А потом, на пределе дыхания, всплыть на поверхность и долго грести, чередуя брасс и кроль. А после, когда отплыл достаточно далеко — так, что люди на берегу кажутся крохотными фигурками, —

лечь на спину и подставить лицо солнцу. Которое сейчас, когда я в воде, совсем не жарит и не жалит, как на суше, — а нежно, лаская, гладит щёки, лоб и нос. И кругом — тишина, покой, умиротворение. Кайф. Наверное, высший кайф, созданный природой.

И вот именно в этот самый момент наивысшего наслаждения я вдруг ощущаю сильнейшую, чудовищную боль в спине. Сначала я даже не могу понять, что происходит, настолько случившееся неожиданно, так сильно диссонирует с окружающим — с радостью, счастьем, всеобщей любовью, — что я даже и не понимаю, что творится.

Но тут страшно болезненный укол в спину повторяется. Судорога сводит все мое тело.

И только тут, после второго приступа, я понимаю, что происходит. *Они* все-таки добрались до меня. Значит, здесь и сейчас? А что, похоже на...

Тут третий, еще более сильный удар боли сотрясает мое тело. Я вдыхаю, но во рту отчего-то оказывается вода. Я кашляю, дергаюсь, чуть не выпрыгиваю из воды.

«Интересно, а кто меня *исполнил*? — отвлеченно, как со стороны, думается мне, когда боль отпускает. — Та девчонка в баре, что улыбнулась призывно? А может, тот новенький бармен? А может, привычный и любимый портье, мсье Шарль? Или, — вдруг пришло мне в голову, — та самая толстая русская тетка внизу, у стойки? И задела она меня вовсе не чемоданом — сделала укол зонтиком, как некогда Георгию Маркову¹. А может, это просто приступ? Нормальный, обычный инфарктик — я слишком много сегодня, на круг, выпил: в аэропор-

¹ Хотя убийц не нашли, считается, что болгарский диссидент Георгий Марков был отравлен в 1978 году в Лондоне болгарским КГБ с помощью ампулы с рицином, которой выстрелили с близкого расстояния из устройства, вмонтированного в зонтик.

ту, самолете, в такси, в лобби и теперь вот на пляже? И сердчишко просто само дало сбой? И я сейчас чуть отлежусь на этой ласковой воде и приду в себя? И спокойно поплыву к берегу?»

Но тут меня потрясает еще один приступ, я судорожно втягиваю воздух — однако вместо него в легких оказывается вода, и я снова дергаюсь, но руки и ноги не слушаются, и снова вдох, и вода заполняет все пазухи — и, наконец, я медленно начинаю тонуть.

И — последняя мысль, уже на пределе сознания: «А ведь случилось точно так, как *они* обещали».

Павел Синичкин
Девятью днями ранее
Июль 2019-го

Судя по интонации, с которой Римка представила мне по интеркому посетительницу, та показалась ей слишком хорошенькой.

— К вам Полина Порецкая, — крайне скептически объявила моя помощница, и в кабинет вошла действительно очень красивая девочка.

Девочка — именно так я мысленно назвал ее, хотя лет ей было двадцать пять — двадцать семь. Но при этом визитерша оказалась крайне миниатюрна: росточком чуть выше полутора метров. Маленькие красивые ручки. Точеные и исключительно правильные черты лица. «Как статуэточка!» — наверняка отозвалась бы о ней моя покойная (увы) матушка. Или заметила бы, что девчонка выглядит «интеллигентно».

Для маменьки это была лучшая похвала. Всю жизнь она мечтала, чтобы я связал себя узами вот с такой, тоненькой и аристократичной. Мне же всегда были по сердцу полнокровные, румяные, боевые оторвы. Такие, как помощница моя Римка.

Впрочем, в последние свои годы родительница моя незабвенная согласилась бы, кажется, на кого угодно. Лишь восклицала время от времени патетически: «Не-

ужто я так и не дождусь внуков?!» Да, увы, она так и не дождалась.

Хотя посетительница оказалась совершенно не в моем вкусе, но выглядела она, надо признать, исключительно красивой.

После фигур вежливости и усаживаний я спросил девушку, что привело ее в наше сыскное агентство.

— У меня умер отец. — Пауза, и, так как я не прореагировал, она продолжила: — Все считают, что он покончил с собой.

Визитерша опять остановилась, и я подсказал:

— А — вы?.. Как думаете вы?

— Я думаю, — с вызовом проговорила госпожа Порецкая, — что его убили.

— Кто? И за что?

— За этим я пришла к вам.

— Хорошо. Расскажите тогда официальную версию.

Итак, считается, что ваш отец покончил жизнь самоубийством, правильно?

— Я начну сначала...

— Как вам удобнее. Начинайте откуда хотите. Но лучше, конечно, сначала.

Наверное, я все-таки на нее запал, потому и говорить стал больше обычного. Это мне самому не понравилось. И то, что стал слишком велеречивым. И тем более что — запал.

Хватит с меня служебных романов. От них одни неприятности. Что с Римкой, что с клиентками.

Спокойные, ровные отношения, без всякой примеси любви и тем более секса — вот залог нормальной, уверенной работы.

Всякого творческого коллектива, а сыскного агентства — тем более.

Если предаваться самокритике, имеется у меня один недостаток: я очень влюбчивый.

Чересчур.

Слишком часто и не по делу воспаляюсь. И это определенно вредит работе. Чего стоят только мои взаимоотношения с Римкой!

Мы с ней без счета сходились, расходились, жили вместе, разбегались навсегда. А потом снова встречались, и опять нас, в конце концов, бросало в объятия друг к другу.

Попутно у меня, конечно же, случались романы, и Римка узнавала и бешено ревновала, устраивала сцены. А у самой-то тоже рыльце в пушку! Чего стоил хотя бы этот ее казах из-под Пскова! И ведь хватило же у того раскосого скобаря наглости заявиться к ней сюда, в Москву, с цветочками! Ох, как далеко и надолго после этого Римма Анатольевна была мною послана!¹

Но сейчас-то мы, кажется, оба перебесились, и у нас, слава богу, установился ровный, спокойный, выдержанный нейтралитет. Похоже, мы остановились на правильном градусе, что она — просто моя коллега, младший товарищ, соратница в нелегкой работе.

Ее это, кажется, тоже устраивало, и она больше не устраивала взрывков типа разойтись навсегда или, того хуже, сойтись навеки.

И мне совершенно некстати сейчас завести роман на стороне — причем на глазах у Римки. Чтобы моя соратница презрительно шурилась, фыркала, метала молнии и отпускала язвительные замечания.

Да и потом, крутить с клиенткой — непрофессионально. Спать с тем, кто тебе деньги платит, — как-то фу. Сие выставило бы меня, да и агентство наше сыскное, моим именем названное, не с лучшей стороны.

Поэтому я сразу решил найти в сегодняшней посе-

¹ Подробнее об этом в романе Анны и Сергея Литвиновых «Брат ответит».

тительнице, такой всей из себя няшной, изъян. Чтобы перестать в нее влюбляться.

Может быть, голос? Знаете, бывает у женщин, особенно тонкокостных, голос — как болгаркой пилят. Потом долго его из головы приходится выковыривать. Но у этой тембр звучал приятно: низкий, грудной, бархатный. И говорила она ясно, просто, умно. Вдобавок наша беседа никакого флирта совершенно не предполагала — еще бы, гибель родителя! Но, видать, в ней случившееся перегорело, потому что изъяснялась визитерша не без доли кокетства — видимо, ей органически присущего. Как и миниатюрные формы, а также правильные черты лица.

— Начнем с того, что два года назад умерла наша мама...

— Вы сказали «наша»? — перебил я ее. — Вы не одна в семье?

— Нет, не одна, — ответила девушка сухо. — Есть еще моя сестра. Родная. Старшая. Юлия Игоревна. Семь лет разницы.

Довольно неприязненный тон, которым говорилось о ближайшей родственнице, и поджатые губки заставляли предполагать, что отношения между сестрицами не задались. Я сделал себе зарубку на будущее.

— А что — ваша мать? Она тоже погибла насильственной смертью?

— Нет, слава богу! Хотя не скажу, что ей повезло больше, чем папе. У нее оказался рак. Лимфома. Диагностировали слишком поздно. Четвертая стадия. Три года она боролась. Химия, облучение. — Глаза девушки повлажнели. — Отец все время был с ней рядом и всячески поддерживал. А когда она... — девушка моргнула и сделала над собой усилие, — она ушла, отец впал в натуральную депрессию. Он не мог ничего: ни работать, ни отдыхать нормально, ни даже следить за собой.

— Выпивал?

— Сначала — да, мы думали, что дело в спиртном. Ушел, дескать, в запой, потом похмелье, и все такое. Но, во-первых, раньше он никогда проблем с алкоголем не имел. А главное, алкоголь ситуацию не объяснял. Вроде и пить он перестал, а становилось только хуже. Лежал на диване, глазами в стенку. Я уговорила его посетить психиатра. Точнее, даже привезла врача к нему — он категорически не хотел даже выходить из квартиры... И она — психиатра нам порекомендовали женщину, доктора наук, — диагностировала у отца клиническую депрессию. Знаете, — прервала Полина саму себя, — сейчас «депрессия» стало модным словом. Все кричат: ах, у меня депрессия! Ноготь сломала, и сразу: депрессия! А ведь большая депрессия — серьезное заболевание, — сказала клиентка явно с чужих слов, возможно, той самой психиатрички. — И его следует лечить. Вот и с отцом врач долго говорила наедине, а потом прописала антидепрессанты. И попросила, чтобы первое время, неделю или даже две, отец был под постоянным наблюдением кого-то из близких. Ну, я взяла отпуск и первую пару недель была с ним рядом неотлучно...

Я пометил для себя, что Порецкая, рассказывая об уходе за отцом, использует единственное число: «я взяла отпуск», «я привезла врача» и так далее. Что, спрашивается, делала в это время ее сестра?

— И что же отец? Выздоровел?

— Да! Совершенно! Через две недели пошел на работу как ни в чем не бывало. Он, конечно, продолжал наблюдаться у врача, но стал сам ездить к ней в мед-центр. Она уменьшила ему схему, но принимать антидепрессанты, сказала, нужно долго. Однако месяца через четыре он их и вовсе бросил. И чувствовал себя превосходно.

— А какие именно таблетки он принимал?